

ГАЛИНА ВИШНЕВСКАЯ:

Культура. — 2004. — 20-26 мая. — с. 16

Пение — это состояние души

Мстислав Ростропович случайно называет свою жену Царевной-лягушкой. Как и у Василисы Премудрой, у нее все получается, за что ни возьмется. Эту мысль навеяла мне зеленая лягушка на столе Галины ВИШНЕВСКОЙ, которую ей подарили в тот день, когда мы разговаривали со знаменитой певицей, ныне художественным руководителем Центра оперного пения, носящим ее имя. Еще два года назад москвичи с изумлением смотрели на ослепительный особняк, выросший вдруг на Остоженке, на фасаде которого было выведено: "Школа оперного пения Галины Вишневецкой". Такого еще не бывало. Прошло несколько месяцев после торжественного открытия центра, и туда потянулись зрители. Сегодня здесь готовятся к первому выпуску студентов.

— За прошедшие два года ваш центр приобрел авторитет у меломанов. Без него уже невозможно представить московскую театральную афишу.

— Да, мы как-то быстро вжились в среду Москвы. Я счастлива, что нас признали и полюбили. Появились даже свои зрители. Зал у нас всего на триста мест, так что мы уже знаем свою публику.

— Чем гордитесь?

— Мы осуществили то, что задумывали. Наши выпускники подготовили по три-четыре партии для профессиональной оперной сцены. Ни в одном театре никогда за два года ни один вокалист, пришедший туда из консерватории, не спел бы столько ведущих партий в больших операх. Замечу, что стажерские группы при театрах, как правило, себя не оправдывают. А в Большом теперь ее даже нет. И молодые певцы, не успев расцвести, там медленно увядают. Воспитанники центра уже поют "Руслана и Людмилу", "Царскую невесту" и "Фауста", который звучит на французском языке. Они исполняют труднейшие партии, как говорится, из золотого фонда. Баритон Александр Касьянов, например, пришедший к нам после окончания Гнесинки и РАТИ (ГИТИС), поет Григория Грязного и Валентина Меццо-сопрано Оксана Корниевская, а она из Владивостока. — Ратмира и Любашу и приготовила также Марфу в "Хованщине". Сопрано Оксана Лесничая — Людмилу, Марфу в "Царской невесте" и Маргариту...

— Сколько студентов вы набрали и сколько заканчивает?

— Первый набор был 25 человек. Кого-то я отчисляла, кого-то брала, а в итоге выпускаем четырнадцать человек. До конца учебного года покажем еще по два раза все наши три спектакля и гала-концерт с отрывками из "Пиковой дамы" и "Риголетто". Будем приглашать на них директоров музыкальных театров и дирижеров.

— Откуда ваши питомцы?

— У нас учатся солисты Камерного музыкального театра Б.А. Покровского Оксана Лесничая, которую я уже называла, и бас Роман Астахов. Тенор Сергей Балахов из "Белькино-оперы"; а вот Валентин Суходолец, тоже тенор, окончил Московскую консерваторию, занимался в Амстердаме. Оба поют Фауста. Бас Владимир Байков — ассистент Московской консерватории. Баритон Юрий Баранов — солист оперного театра при консерватории. После РАТИ пришли к нам сопрано Ирина Окнина и тенор Павел Пармузов. Сопрано Людмила Воробьева — из Петербурга.

— Как известно, аналогов вашего центра нет в мире. Само составление программы обучения?

— Конечно. Все начинали с нуля. Мы занимаемся каждый день. У нас шесть педагогов вокала. Ирина Ивановна Масленникова, Бадри Майсурадзе (он поет по всему миру и работает у нас с самого начала, что очень ценно и трогательно). Из Большого театра — Владимир Щербатов и Петр Глубокий. Еще два педагога — Алла Белоусова и Галина Лебедева. С певцами занимается и наш дирижер Владимир Понькин. Студенты изучают три языка — французский, немецкий и итальянский. Кроме того — мастерство актера, дикицию, танец, пластику... Словом, мы делаем все для совершенствования певцов.

— Да, но вы, Галина Павловна, не назвали себя. Вы же тоже преподаете вокал, что я только что сама наблюдала.

— Ну конечно. Начинаю в одиннадцать и заканчиваю в пять, и так шесть дней в неделю. Готовлю с певцами партии. Они понимают меня с полуслова, поскольку объясняю просто. Стараясь передать молодым все, что сама знаю. Когда у них получается то, чего они раньше не умели, а я их этому научила, то по-настоящему рада. Мои воспитанники не выходят у меня из головы ни днем ни ночью, где бы я ни находилась. Кому что петь, чем помочь, кому дать новую партию, а кому поменять программу? Обо всем этом приходится думать. И должна признаться, что мне невероятно интересно. Я наблюдаю, как молодые люди постепенно внутренне перерождаются.

— А внешне?

— Учу всему: как причисываться, ходить, быть элегантным. И даже тому, как вес не набирать. Я, например, не позволяла себе выйти на сцену Большого театра, если поправилась хотя бы на два килограмма. Пока не стоняла их, не успокаивалась. Да, голодала. Но такое было уважение к сцене. А как же иначе! Это мое святое место, и я должна была ему соответствовать. Если бы я вышла петь Наташу Ростову или Татьяну Ларину расплывшей, то, наверное, провалилась бы сквозь землю. Я не могла себе позволить, чтобы кто-то иронически улыбнулся, глядя на меня. Этого никогда не было и не могло быть. Никогда.

— А как реагировали на расплывших коллег?

— Был такой случай с Маквалой Касрашвили. А мы дружим с ней уже сорок лет. Она всегда была полненькой. Такова ее природа. И вот пришло время, когда я решила больше не петь Наташу Ростову, не захотела изображать пятнадцатилетнюю девочку. "Ее может петь Маквала", — сказала я Борису Александровичу Покровскому. "Тогда поработайте с ней", — согласился он. Прихожу я к Маквале. "Будем готовить с тобой Наташу Ростову, которую ты так хотела, но сначала сбрось 10 килограмм, — говорю я ей. — Если не похудеешь, то эту партию петь не будешь. Это я тебе говорю, Галина Павловна Вишневецкая. И никто тебе не поможет — ни министр, ни директор, ни Покровский. И не дам тебе петь я сама. А как я это сделаю, я тебе скажу. Я сама буду ее петь, хотя и не хочу. Но тебя в таком виде, в каком ты сейчас есть, в моей любимой партии не выпущу. Перекрою тебе дорогу. И буду Наташу еще много лет петь. Ты поняла?" — "Поняла." И Маквала похудела. Я сама вводила ее в спектакль. Она была прелестная Наташа Ростов.

— Когда вы открыли в себе педагогический талант?

— Когда работала еще в Большом театре. Помогала друзьям, коллегам. Много лет давала мастер-классы за границей. Сейчас уже их не даю: все время занимает центр. Я даже здесь и живу. Во все вникаю. Не позволяю никому расслабляться. Должна сказать, что мне очень помогает Елена Владимировна Опоркова, мне повезло, что у меня такой директор.

— Как повезло и всем вашим воспитанникам. Вы преподнесите молодым людям, как я заметила, и уроки жизненные. Один из них — отношение к своим учителям. 5 марта 2003 года в центре состоялся незабываемый концерт "Посвящения Сергею Прокофьеву". Мстислав Ростропович

Г. Вишневецкая

прилетел утром того дня из США, с аэродрома поехал на могилу композитора, а вечером слушал, сидя рядом с вами в ложе, концерт в его честь. Через день он снова улетел в Америку...

— Личный пример — всегда самый драгоценный опыт. Мы постоянно расширяем круг интересов наших студентов. Мастер-классы им давали и Ростропович, и Покровский, и Паата Бурчуладзе. Перед ними выступали знаменитый дирижер Зубин Мета и немецкий режиссер Петер Штайн. Я пытаюсь убедить наших студентов, что певец должен быть всесторонне образован, ходить на спектакли, концерты, читать книги. Но некоторые просто как дички в поле. У одних семьи немзыкальные, в других воспитании детей совсем не уделялось времени. В нашем центре ребята видят, как трудится старшее поколение. В эти дни Борис Александрович Покровский ставит у нас фрагменты "Пиковой дамы". Это — великое счастье. Я смотрю на его работу как на чудо.

— Вы хотите сказать, что сами еще учитесь?

— Конечно. Тем более что Покровский — такой великий режиссер. Он мой Учитель. Истинный Рыцарь оперы.

— Меня поражает в вас это удивительное стремление все время учиться. Помню, я приходила к вам во МХАТ, когда вы репетировали Екатерину II в спектакле "За зеркалом". Вы так внимали режиссеру Вячеславу Долгачеву, будто вы были юной ученицей, ловили каждое его замечание, каждый его совет. И очень упорно работали.

— Как же иначе? Я и на самом деле была ученицей, поскольку никогда не играла на драматической сцене.

— А чему вы научились за эти два года?

— Я бы сказала, что получила еще один урок. Долгое время я не могла понять, почему в России существуют великолепные голоса, а петь они не могут. Да и педагогов много хороших. И меня ждал сюрприз. Ученик-то должен еще хотеть и уметь взять то, что дает ему учитель. Однако это бывает довольно редко. И вот, думаю, почему. У нас привыкли к бесплатному образованию, которое и ценить-то не обязательно, поскольку оно ничего не стоит. И в нашем центре обучение тоже бесплатное. Когда молодые люди приходят к нам, то не понимают многих вещей. Начинают что-то соображать, только когда видят, как работаем мы, их педагоги. И я вдруг ясно осознала, что же ругают наши замечательные российские голоса. Это недостаток воспитания и культуры, отсутствие техники пения, отсутствие стремления чего-то достичь. Наши певцы останавливаются обычно на полпути. Не идут дальше. Им не хватает пороха.

— Так все дело в нерадивости учеников?

— Я так скажу. Пение — это состояние души, а не связки и резонаторы. Чем заполнена ваша душа, то вы и несете в своем исполнении, в самом звуке вашего голоса.

— Галина Павловна, я была на недавнем Всероссийском семинаре преподавателей вокала, где вы говорили, что прослушали на Екатеринбургском около пятисот певцов, а петь могут около десятка. Голоса зажаты, деформированы. А мне вспоминается, как вы замечательно написали в своей книге "Галина" о том, как ваш оперный голос умело раскрыла Вера Николаевна Гарина и научила вас петь. Все же "талант — единственная новость, которая всегда нова". И это, видимо, и в случае учеников и педагогов.

— Верно. Но я-то смогла все взять, что мне давала моя дорогая Вера Николаевна... Я всегда говорю, что голос — да, от Бога. А в остальном — ты сам помоги Богу.

— Почему же все-таки был отменен апрельский гала-концерт

в Большом театре, на его Новой сцене, где вы должны были представить молодых солистов России?

— Оркестр Спивакова по техническим причинам не смог играть, пришлось перенести концерт на осень.

— Кто автор этой идеи?

— Мы разработали ее вместе с главным экспертом музыкальных театров СТД Алексеем Садовским. Была задумана замечательная акция — устроить гала-концерт семи певцов из разных городов страны именно в Большом театре. Он такой величественный, что к нему никак не подойти тем, кто не служит в нем. А поскольку я занимаюсь певцами, то у меня возникла жажда услышать молодые русские голоса именно в Большом. Уверена, что на его сцене у них появится свежее дыхание.

— Что побудило вас к этому?

— Положение театра, как известно, очень трудное. Разъехались солисты первого плана. В мое время мы сидели, как крепостные, в одном месте, словно прикованные цепями, и куда не могли ездить, если госпожа Фурцева не отпустит на два месяца в году петь за границу. А сейчас границы открыты, и все разлетелось по миру зарабатывать. И мне казалось, что хорошо бы наладить взаимоотношения Большого именно с провинцией. Надо лучше узнать, какие хорошие голоса там есть. В случае необходимости с певцами можно подписывать контракты. Нередко случается, что если кто-то из ведущих вокалистов заболел, то хватают певцов на главную партию чуть ли не на улице, гримируют и вытаскивают на сцену. И это сплошь и рядом. Но когда это происходит в главном театре страны, то ужасно обидно.

— Почему такая боль за Большой театр?

— Я его почитаю. Это моя душа. И не могу слушать там плохих певцов, смотреть плохие спектакли. Думаю, что такое святое отношение к Большому театру у всех артистов, кто работал в нем. Чьи-либо сложные отношения с дирекцией, коллегами не могут отразиться на любви к Большому театру. По прошествии многих лет я утверждаю, что это единственный театр в мире, который несет в себе особую атмосферу. И не сомневаюсь, что он еще воспрянет духом. Все образуется.

— Что, по-вашему, для этого надо сделать?

— Нужно влить свежую кровь. Вот почему я и хотела провести такую акцию. Она потянула бы за собой какие-то еще новые идеи. Надо менять систему работы театра. Большой должен иметь свой статус. Это наша гордость! И государство, и народ должны его содержать, иначе мы его потеряем. Посмотрите, какое бесчисленное количество драматических театров сейчас образовалось. И большинство на государственной dotации. А почему? Я лично категорически против этого. Если вы объединились и объявили, что стали театром, то народ не обязан платить налоги за ваши интересы...

— Как вы относитесь к приглашению в Большой именитых западных звезд?

— Хорошо. Но выбор их не всегда удачен. Недавно в Большом ставили "Турандот" Пуччини. На главную партию была приглашена итальянка Франческа Патане, очень средних данных, со скрипящим голосом, неинтересным тембром. Разумеется, она профессионал. Но разве у нас таких голосов нет? Конечно, есть. И намного лучше. Кстати, в конце декабря Турандот спела Маквала Касрашвили. У нее прекрасно еще звучит голос. А когда мы с Ростроповичем делали "Леда Макбет Мценского уезда" Шостаковича для постановки в Италии, Испании, Германии, то приглашали певцов из Новосибирска, Перми, Челябинска. Катерину Измайлову пела Светлана Добронравова из Киева.

— Будете работать в этом году на Всероссийский ярмарке певцов в Екатеринбурге?

— Обязательно. Это уже четвертая ярмарка, которую я буду возглавлять. Туда может приехать любой певец, имеющий музыкальное образование. Приезжают и директора театров. Они заключают контракты с вокалистами. Если не заниматься голосами, то оперу вообще надо закрывать. Все превратится тогда в любительщину.

— Галина Павловна, настоящим подарком меломанам стала постановка вашим центром оперы "Царская невеста" Римского-Корсакова в режиссуре Ивана Поповски и сценографии Аллы Коженковой. Замечательно, что вы повежете "Царскую невесту" по волжским городам.

— Об этом Ростропович давно мечтал. Наши последние российские гастролы перед вынужденной эмиграцией состоялись именно в Поволжье тридцать лет назад. Собираемся еще раз побывать в тех местах. Мы выступим в Нижнем Новгороде, Казани, Ульяновске и Самаре. Турне пройдет десять дней на теплоходе "Михаил Фрунзе" в середине июня. Стипендиаты Фонда Мстислава Ростроповича выступят с концертами. Подобные поездки можно планировать и на несколько месяцев и с большим репертуаром. Надо думать о великих просторах России.

— У вас, Галина Павловна, богатейшая жизнь.

— Это моя жизнь. Могу снова ее повторить. Подлость не делала. Никого не предавала. Кому могла помочь, помогла. Истинное счастье видеть результат твоей помощи, когда человек приобретает новое качество.

— Всегда ли чувствовали себя такой уверенной и независимой?

— Вот что могу сказать. Я полноценно жила только на сцене. Сама же жизнь была — игра. Разумеется, семья — это неприкосновенное. Я пела с 17 лет. И мне приходилось помнить, что кто-то может сказать про меня что-то недоброе, что-то подслушать, подсмотреть, распустить сплетню, написать донос... В жизни приходилось все время оглядываться. А на сцене я ничего не боялась, раскрывалась по-настоящему. В нашем парижском доме хранятся два досье КГБ с пометкой "совершенно секретно" на меня и на Ростроповича. Из них мы узнали изнанку жизни многих знакомых. Слава Богу, что мы забыли о том времени. А прошло совсем немного лет. Так устроена человеческая память.

— Какой период жизни считаете все же самым главным?

— Конечно, работу в Большом театре. Все лучше, что было в России, приглашалось тогда в Большой. Меня принимал Голованов. Двенадцать лет я работала с Мелик-Пашаевым. Из дирижеров тогда работали Небольсин, Кондрашин, Хайкин, Жуков, Сахаров. В одно время со мной в театре поступили Светланов и Рождественский. Вот такая обойма, и в одно время. Какие имена! Из певцов — Давыдова, Шпиллер, Козловский, Лемешев, Михайлов, Огнивцев, Иван Петров, Пирогов, Рейзен... А с Покровским я проработала в театре все двадцать два года, начиная с партии Леоноры в "Фиделио" Бетховена.

— Говорят, Козловский носил вас на сцене на руках?

— И не только меня. Он обожал красивых женщин. Когда в театре появлялась молодая певица, он всегда приглашал ее петь в концертном романсе "Не искушай меня без нужды". И я его пела с ним несколько раз.

— И друг друга вы не искушали?

— Нет, не искушали. Все это только для сцены. Общение с большими музыкантами изо дня в день, пример их жизни — главное воспитание артиста. В этом я сама убедилась. И стремлюсь дать эту возможность своим студентам. Скоро появится новый набор в наш Центр оперного пения.

Беседу вел
Лидия НОВИКОВА
Фото Евгения БУРМИСТРОВА